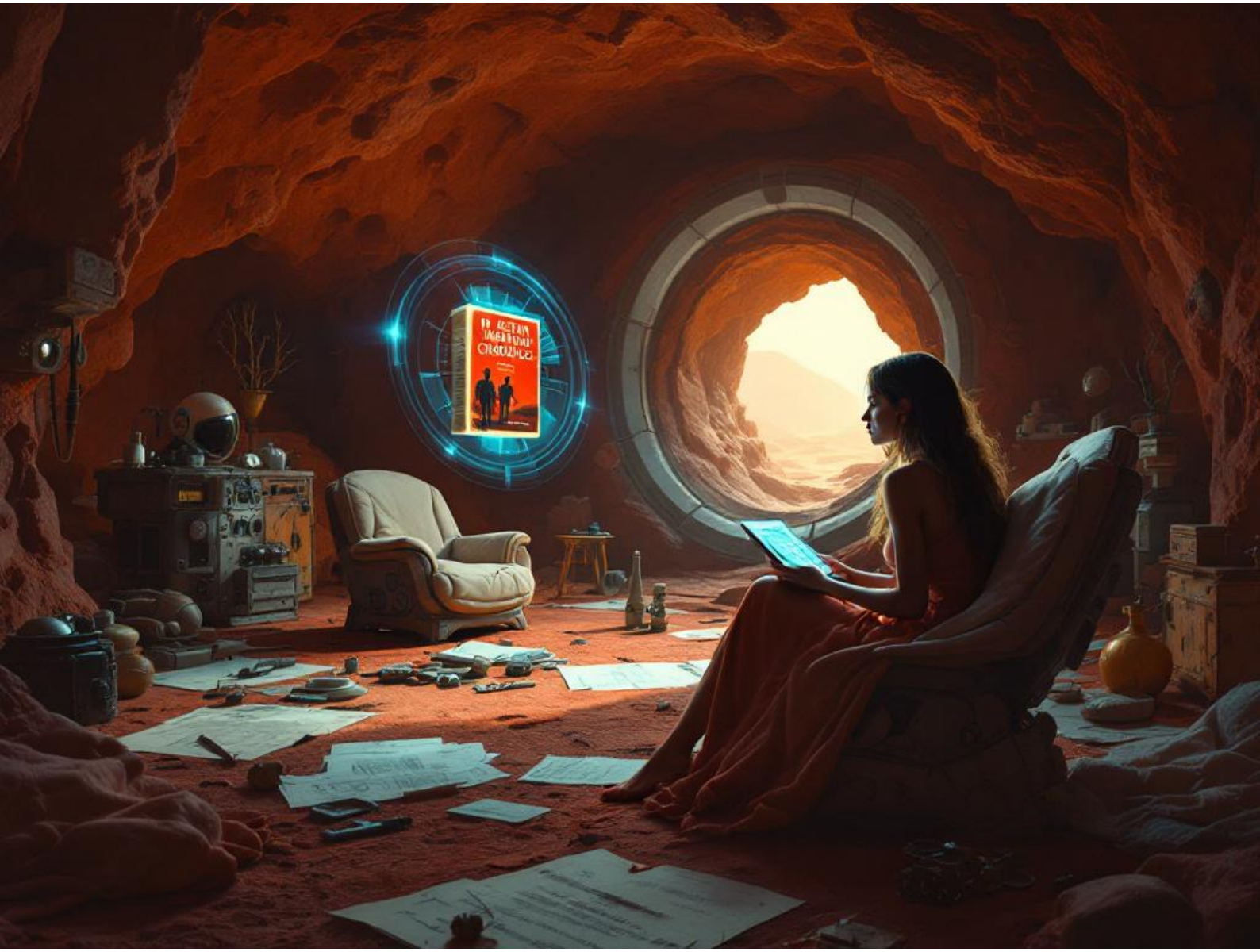

Песчинка

Владимир Коток

Запись в дневнике Ариэль: Марсианская Республика, 152-е лето марсианской экспансии (М.Э.)

Камень. Тяжелый, неровный, вросший под ребра, будто осколок базальта, отколотый от древнего русла катаклизма. Он – отсутствие Ариса. Говорить об этом все еще невыносимо. Даже слезы – драгоценная влага, которую марсианин учится экономить с пеленок – кажутся предательством, слишком малым откликом на эту пустоту под куполом души. Но я пишу. Потому что память – это единственный шлюз, через который он может вернуться. Пишу в надежде, что камень этот, сдавивший грудь хуже неисправного пылефильтра, хоть немного размякнет под напором воспоминаний. Мы, дети Красной Планеты, мастерски умеем горевать, цепляясь за утрату, но часто забываем поблагодарить за подаренные орбиты времени, за те невидимые нити души, что он вплел в ткань моей жизни.

Я Ариэль. Арис — мой старший брат. Он опередил меня на шесть марсианских лет (это без малого тринадцать земных). Когда я, крохотный комочек, впервые закричала в стерильном воздухе купола Аресибис-Сити, он был уже не просто братом – он был моей первой луной, моим ориентиром, почти вторым отцом. И да, сводила я его с ума – факт неоспоримый. Он мастерски связывал меня «узлами шлюзового люка» – хитрой системой стяжек из ремней скафандра, надежной, как сама процедура шлюзования. «Чтобы Песчинка не укатилась в вентиляцию!» – ворчал он, но в глазах искрилось. А я, юркая и упрямая, как марсоход в песках, умудрялась выпутаться и снова лезть под ноги, цепляясь за его комбинезон. Помню, как соорудила «великую пещеру» из двух старых антигравитационных кресел, накрытых термоодеялом с выгоревшим логотипом Первых Поселений. Арис, уставший от моего бесконечного щебета, поспорил на целый кредит, что не высижу в темноте и тишине целый час. Высидела. Упрямство – мой верный ровер, он всегда со мной, от детства и доныне. Брат же, как позже признался, провел тот час в блаженной тишине, слушая лишь гул систем жизнеобеспечения, и был почти разочарован моей победой.

Мы дурачились, фехтуя чем попало – стыковочными щупами от старого модуля, швабрами для очистки солярных панелей. Арис забирался на наш «гермосупруг» – огромный, как памятник, герметичный скафандр-колыбель времен Первых Поселений, семейную реликвию, покрытую сколами и царапинами истории. Оттуда, с высоты, он парировал мои атаки, изображая рыцаря Красных Песков. Смех звенел под куполом, эхом отражаясь от поликарбоната! Но отец, вечно озабоченный техник по системам жизнеобеспечения, бледнел, заставая нас за этим, и ворчал, что мы всерьез рискуем повредить оборудование или, не дай Фобос, друг друга.

Однажды терпение Ариса лопнуло. Я довела его своим вечерним визгом, когда он пытался разобрать заклинивший вентиль гидропонной установки. Он пригрозил тяжелой запорной гайкой: «Еще писк – и полетишь к Фобосу!». Гайка, или его рука – он до конца спорил, что она «сама выскользнула из перчатки» – полетела. Попала в лоб. Помню острую боль, яркую вспышку перед глазами, теплую струйку крови, растекшуюся по лицу и впитавшуюся в ткань моего детского скафандра-«капельницы» – тонкого, одноразового, для коротких переходов внутри купола. Родители были в ужасе. Арис стоял бледный, вина читалась в его глазах яснее марсианских созвездий. Много лет спустя, уже под холодным светом двух лун в Долине Маринера, он признался, глядя куда-то в звезды: «Да, Песчинка, кинул. Не выдержал. Прости». И в этом признании была такая взрослая, недетская тяжесть, что я простила его

задолго до этого момента.

Но Арис меня любил. Безусловно, бестолково, по-братски. Гордился моими успехами в голопроекционном моделировании, критиковал за лень чистить велоход, но между нами всегда царило это балованное, родное тепло, пронизанное искорками смеха и легкими тычками. Оно живет во мне и сейчас, это щемящее, щекотное тепло. Я – сестра своего брата. Его словечки – команды «Стабилизируй вектор!» когда я нервничала, или удивленное «Ну и пыльник!» при виде беспорядка – прочно вросли в мою речь, стали частью моего кода. Со мной – часть его видения мира. Мы читали одних и тех же авторов, классиков Колониальной Эры, чьи книги были выцарапаны на дефицитной бумаге или хранились в кристаллах памяти. Именно Арис дал мне в руки потрепанный голодиск с «Марсианскими Хрониками» Брэдбери. «Вот, Песчинка, посмотри, как люди мечтали о нас, когда Марс был еще сказкой». Я влюбилась. Перечитываю их снова и снова, находя утешение в том, что суть человеческая – ее чаяния, глупости, мужество – не меняется ни под куполами, ни под открытым небом. Люди несут одни и те же надежды, наступают на те же грабли, и будут наступать – такова наша природа, хоть на Земле, хоть на Марсе.

В детстве я обожала быть незаметной «песчинкой» в его мире. Затаив дыхание, подсматривала за мирами его друзей. С Дексом, высоким парнем из Сектора Гейла, они показывали мне потрясающие голопроекционные кукольные спектакли про загадочных древних марсиан, чьи города якобы спали под песками. Помню смутные силуэты других его товарищей и недругов. Один, с соседнего жилого тоннеля, пришел как-то, постучал в наш шлюз-дверь и, едва Арис открыл, выстрелил ему в живот из самодельного пневмолука. Помню тупой хлопок сжатого воздуха, свист стрелы – полимерной трубки с заточенным обломком кремния на конце. Я выскочила как раз в этот момент. Стрела лишь царапнула прочный композит скафандра, оставив белую насечку. Но лицо Ариса… Сначала ярость, молниеносная, готовая смести обидчика. Потом – резкое оседание, усталость. Он схватил меня за руку, оттащил внутрь, захлопнул шлюз. «Идиоты. Пыль в голове вместо мозгов», – прошипел он, но его рука, сжимающая мою, дрожала. Не от страха. От осознания хрупкости всего – скафандра, жизни, моего детского спокойствия. Он не пошел мстить. В тот день он долго молчал, а потом показал мне, как чинить сломанный проектор игрушек – мой любимый, с которым я тихо копошилась в углу, создавая свои миры. Именно тогда, глядя на мою сосредоточенность, он впервые обронил: «Ну ты и Песчинка моя… Вечно в своих мирах». Прозвище прилипло на десятилетия, потому что он притащил его в свою взрослую компанию – странное сборище исследователей ксенобиологии, инженеров-терраформеров, поэтов, воспевавших купола и пыльные бури. И я, со временем, вошла в этот круг. Это был оазис редкого взаимопонимания, где не спорили до хрипоты о политике Секторов или квотах на воду, а играли словами, как в изощренный «ментальный пинг-понг». Там Арис научил меня главному: «Долго молчишь, слушаешь – и твое слово, когда сорвется, вплетется в разговор, как драгоценный кристалл кварца в узор базальта. Его заметят. Его оценят. А болтунам… им здесь не место». Я научилась слушать. Как слушал он.

Арис вечно что-то изобретал. Его мозг работал, как перегруженный реактор. От безумных проектов (пытался научить наших генномодифицированных марсианских песчанок «курить» водяной пар через миниатюрную трубку из обрезка карбоновой балки – эксперимент закончился побегом подопытных) до гениально практичных вещей – усовершенствованных скутеров для тоннелей с магнитной левитацией или компактных плавсредств для исследования подледных озер на полюсах. Наш пещерный дом, выдолбленный в породе, был завален журналами «Марсходы и Скафандры», мерцающими голосхемами и чертежами на электронной бумаге. Позже он сам ходил на могучем марсоходе «Пыльный Дьявол», с любовью драил его корпус от вездесущей красной пыли, покрывал новейшим антиабразивом. Водил геологические

партии по безднам Долины Маринера, искал следы воды и полезные ископаемые. Его гордостью стал скутер «Фобос» его собственной конструкции, на котором он получил лицензию пилота четвертого уровня. Он возился с велоходами, в том числе и с моим старым «Стрижом», чиня его в пятницу вечером вместо отдыха. «Мы – инженеры-терраформеры, Песчинка, – говорил он, вытирая машинное масло со лба. – Четвертое поколение. Мы меняем лик Планеты. Это… долг. И честь». Глаза его горели верой в будущее, в зелень, что когда-нибудь покроет ржавые равнины.

Потом пришел Великий Переток. Не политика, не война – экономика. Волна миграции квалифицированных кадров на орбитальные станции и луны, где открывались новые горизонты и щедрое финансирование. Арис уехал на спутниковую станцию Фобос-Дельта в конце девяностых по земному счету. Помню день отлета. Шум двигателей шаттла под куполом космопорта, гулкий, давящий. Он сунул мне в руки тот самый голодиск с Брэдбери. «Читай, Песчинка. Помни, откуда мы». Его объятие было крепким, но поспешным. Мы увиделись лишь через двадцать долгих, тягучих марсианских лет… Связь была редкой, дорогой, полной помех. Он приезжал ненадолго, пару раз. Рассказывал о невесомости, видах Земли из иллюминатора, сложных орбитальных системах. Но что-то ушло. Какая-то искра. Он был другим. А я… я выросла без своего рыцаря на гермосупруге.

Два года назад пришло срочное сообщение. Арис вернулся. Не по своей воле. Его тело вернулось. Старая «красная чахотка» – пневмокониоз, бич марсианских легких, коварная болезнь, вызванная вездесущей, как проклятие, кремниевой пылью, что проникает сквозь самые лучшие фильтры, – дала чудовищное осложнение. Инфекция. Его легкие, годами изъеденные абразивной пылью, превратились в решето, не способное удержать воздух. Его вытаскивали всем медцентром Аресибиса, лучшими пульмонологами Республики. Я видела его в стерильной палате, опутанного трубками, под капельницами. Он был так мал и хрупок на белой койке, не похож на того силача, что гнул полимер термопистолетом. Его губы шевелились, пытаясь что-то сказать, но звук тонул в хриплом, раздирающем кашле – звуке, от которого сжималось сердце. Он боялся кашлять. Боялся, что легкие просто… рассыпятся. Его волосы, всегда такие густые, стали редкими и тусклыми. В глазах – боль, усталость и тень того мальчишки, что когда-то кинул гайку. Марсианская пыль. Наш вечный спутник в исследованиях, наш невидимый враг в легких. Она забрала его дыхание. Она забрала его. Медленно, неумолимо, как песок в песочных часах.

Я бы вспоминала и вспоминала. Кажется, от этого камень внутри чуть размывается. Чуть легче дышать под куполом памяти, сквозь который пробивается свет его улыбки, его безумных идей, его тепла. Я – Песчинка. Сестра своего брата, Ариса, инженера-терраформера четвертого поколения. И частица его души, как микроскопическая крупинка марсианского реголита, забившаяся в складку скафандра после долгой прогулки по Долине, – всегда будет со мной. Невидимая, неощутимая, но неотделимая. Как память. Как любовь. Как сам Марс.

Создано платформой iikniga.ru